

Языкознание

Е.Ю.Иванова (Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕДИКАТОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ПРЕДИКАТЫ «СВОЙСТВ» В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Семантическая классификация предикатов: проблемы и возможности сопоставительного анализа.

Как известно, основным дифференциальным параметром семантической классификации предикатов является связь между значением предиката и темпоральной ориентацией отражаемой ситуации: одни предикаты способны выразить только «актуальный», «эпизодический» признак (статический или динамический), другие – вневременной или, по крайней мере, относительно устойчивый, а для ряда предикатов характер приписываемого признака может быть определен лишь с учетом лексического и синтаксического контекстов.

Основы этой классификации были заложены еще в классической статье Ю.С.Маслова [Маслов 1948] о связи вида глагола с его лексическим значением и – независимо – исследованиями З.Вендлера [Vendler 1957]. Многие положения данной концепции впоследствии были существенно дополнены и переработаны западными и славянскими лингвистами, в частности [Miller 1970; Ljung 1975; Dic 1978; Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Падучева 1996, 2004]. В лингвистический оборот был введен признак «контролируемость действия», позволивший создать интересную и надежную систему координат, полезную не только для аспектологии, но и для синтаксической типологии. Оказалось, что «большинство сочетаемостных характеристик глагола привязано именно к семантическим признакам» [Падучева 1996: 128], поэтому предикаты разных типов проявляют общегрупповые особенности синтаксического и – шире – грамматического поведения. Семантический тип предиката определяет его сочетаемостные возможности, видовые характеристики глагола, специфику деривационного и морфологического поведения.

При всей лингвистической значимости данной классификации она почти не применяется для сопоставительных исследований родственных языков. Принято считать, что семантическая типология предикатов может дать интересные результаты лишь при отсутствии близкой гене-

тической связи между языками, при значительном отличии их видо-временных систем, когда есть возможность, например, показать роль славянского вида на фоне языков, не обладающих этой категорией.

Действительно, стоит ли проводить сопоставление родственных языков, если общий семантический тип предиката, отражая онтологически схожие ситуации, задает и одинаковые синтаксические характеристики? Более того, славянская «изюминка» семантической типологии – особенности употребления видов глагола – вряд ли сможет быть перспективным аспектом при исследовании языков, каждый из которых имеет хорошо развитую видовую систему.

Попробуем, тем не менее, продемонстрировать сопоставительные возможности семантической классификации предикатов, рассмотрев на материале русского и болгарского языков такой таксономический класс, который, казалось бы, заведомо не может показать значительных расхождений ни в сочетаемостных, ни в деривационных характеристиках, – это класс «свойств» (по Т.В.Булыгиной [Булыгина 1982]), объединяющий предикаты, в основном, глагольной морфологической формы, способные выражать устойчивый признак. Диагностические вопросы для предикаций устойчивого признака: *Каков X?*; *Что свойственно X-у?*; *Какие черты характерны для X-а?*; *Что присуще X-у?*; *Что является его неотъемлемой особенностью?*

2. Предикаты «свойств»: лексическое ядро и периферия группы.

Ядро группы составляют предикаты, всегда (или преимущественно) выражающие признак, устойчивый в сверхдолгих интервалах времени. Тематически эта группа довольно разнородна. Так, только среди предикатов с личным субъектом имеются семантические группировки глаголов эмоционального отношения типа *презирать (жлобство)*, *не выносить (пенку от молока)*, *предпочитать (мужскую компанию)*, *обичаю (шоколад)*, *не понасяю (лигльовци)*, *мразя (лицемерието)*; ментального состояния: *помнить, сознать, предполагать, смятам, зная, мисля (че), вярвам (че)*; интеллектуальных умений: *быть компетентным (в абстрактной живописи)*, *знать (математику)*, *разбираю (от музика)*, *с лекота се ориентирам (в историята на изкуството)*; внешнего отличительного признака: *сутулитъся, картавить, шепелявить, заеквам, недочувам, накуцвам*; склонностей и пристрастий: *злоупотреблять (алкоголем)*, *склонен (к депрессии)*, *прекалявам (с цигарите)*; обобщенных деятельности: *воевать, царствовать, заведовать, разводитъ (кроликов)*, *мародерствувам, началствам, кметувам* и др. (о специфике функционирования каждой из подгрупп см. подробнее в [Иванова 2009: 205-216]).

К ядру группы должны быть отнесены и специфические модели, которые служат для выражения только устойчивого признака. Так, в болгарском языке склонности человека выражаются предикатом: $(X) е по + S_{def}$ где S – субстантив, называющий объект или сферу действия предпочтений, напр. *Той е по авантата*; *Той нали е по евтиното*, в том числе с метонимическим переносом: *Той е по чашката*. Особенно продуктивна отрицательная форма: *Не съм по спомените*; *Не съм по случайните флиртове*; *Не съм по празните приказки*; *Не съм по цигарите*.

Среди ядерных предикатов «свойств» есть такие, которые никогда не употребляются в актуальном, «эпизодическом» значении типа *увлекаться (классической музыкой)*, *царствовать*, *быть компетентным*, *държа (на репутацията си)*, *интересувам се (от поезия)*, *приличам (на майка си)*, но есть и такие, которые при наличии особых условий могут выражать локализованный во времени признак. «Актуальное» употребление, открывающее дорогу и соответствующим временным обстоятельствам, часто сопровождается указанием причины ненормативного положения дел: *Она сегодня шепелявила, у нее губа треснула* (М.Анчаров); *След продупчването на езика фъфлех цял месец*.

Периферию группы составляют те глаголы, которые предназначены преимущественно для актуального употребления, но в определенных условиях способны выражать и не локализованные во времени признаки, ср. пары предикаций эпизодического и устойчивого признака в рус.: *По лестнице кто-то прошел, громко топая* (Г.Алексеев). – *После Слон, муж Георгины (с детства имел такое прозвище, потому что громко топал), ей в Перми начал изменять* (Н.Горланова); *Женщина возила по двору коляску, и одно из колес душераздирающе скрипело. Непонятно было, как это не мешает спать лежащему в коляске младенцу* (А.Мальшева). – *У меня паркет скрипит: у самого порога неважно пригнана доска* (А.Мальшева) и болг.: *Вие защо взехте «и-краткото» на Методий? <...> И сега какво – той – Методи и онзи, дете **стриже** навън – също Методи. Ама той въобще не е измислил азбука, той даже не я знае цялата, само **стриже*** (Ст.Стратиев).

Обратим внимание на то, что язык может представлять признаки как устойчивые и неустойчивые (эпизодические) **вопреки «наивной» картине мира**. Так, все мы осознаем, увы, недолговечность признаков «молодой», «красивый», «здоровый», «счастливый», язык же склонен приписывать эти признаки как устойчивые. В то же время близкие, казалось бы, «положения дел» могут быть оформлены языком разным образом. Так, некоторые люди *злоупотребляют алкоголем*, и их часто *тянет выпить*, тем не менее в первом случае признак предстает

как устойчивое свойство, а во втором – как распределенное во времени состояние, и это отражается на сочетаемости с временными обстоятельствами, ср. *Он (*каждый день, *вечно) злоупотребляет алкоголем* и *Его каждый день (вечно) тянет выпить*.

Во многих случаях определение семантического типа предиката может быть произведено лишь с учетом таксономического и референциального статуса актанта. Так, можно *ненавидеть суп* или *сериалы* только в юности, а *ненавидеть коллегу* – всю остальную жизнь, но языком эти смыслы будут оформлены противоположными временными акцентами: первое чувство предстанет как не подлежащее изменению, а второе – как эпизодическое. Различна и сочетаемость этих предикатных словосочетаний, и их видо-временные и референциальные характеристики (см. далее). Они способны и к разным трансформациям. Нереперентность объекта в первом случае позволит трансформировать предикацию в субстантивную конструкцию устойчивого признака, напр. *В юности он не был любителем сериалов* (в болгарском можно воспользоваться и отличным «диагностиком» свойств: *Не беше по сериалите/ сапунките*), но в случае с *ненавистью к коллеге* подобные трансформации недопустимы, так что сверхнормативную длительность этого состояния придется выражать как-то иначе, напр.: *Почему, за что Д. так ненавидел Зубра и, ненавидя, шёл за ним? <...> Он ненавидел Зубра **посмертно**. Есть вечная любовь, до конца дней. Это была **вечная** ненависть. Не так-то просто приобрести себе такого верного врага* (Д.Гранин).

Сама по себе задача выявления в каждом языке ядерных предикатов, – тех, для которых данный семантический тип оказывается единственным или по крайней мере основным, – несомненно, чрезвычайно полезна. В приведенных выше примерах разные по временной локализованности предикации строятся с участием одной и той же лексемы с одним и тем же значением. Тем более очевидно, что при семантически неоднозначном глаголе тип должен определяться отдельно для каждого значения. Он может совпадать у разных значений одного слова: *Той обърка имената ни. – Той обърка пътя* (оба значения – события), но чаще различается: *Той винаги бъркаше имената* (устойчивый признак). – *Селянинът бъркаше трици за добитъка* (контролируемый процесс). Поэтому семантический тип предиката Е.В.Падучева предлагает рассматривать не как признак слова, а как параметр, который принимает при разных употреблениях разное значение. В связи с этим становится возможным говорить о категориальной парадигме слова [Падучева 2004: 31-33], что открывает интереснейшие перспективы для лексикологии и лексикографии.

В данной работе нам, однако, важен другой, **грамматический аспект** применения семантической типологии. Если известно, что семантический класс определяет общие особенности синтаксического, деривационного и морфологического поведения членов группы, то что мы сможем извлечь из этого в сопоставительном плане?

3. Семантически обусловленные признаки группы.

По-видимому, общими для обоих (и не только данных двух) языков будут те характеристики, которые определяются схожестью онтологического типа ситуации и при этом не имеют отражения в грамматических особенностях языковых систем. Это, прежде всего, набор временных уточнителей. Вкратце перечислим общие (и общеизвестные) особенности данной группы, которые определяются **только семантическими признаками**, а потому не имеют принципиальных межъязыковых различий.

Поскольку ситуация, представляемая предикатами устойчивого признака, понимается как относительно не зависящая от времени, не предполагающая начала и конца, прерывности и изменений, у них существует много ограничений на сочетания с темпоральными обстоятельствами. Особенно строги ограничения у ядерных предикаций, прежде всего у атемпоральных глаголов (подробнее см. в [Падучева 1996: 129-131]). Гораздо больше сочетаемостной свободы демонстрируют предикаты, нерегулярно выражающие устойчивые признаки.

Не допускаются темпоральные уточнители, которые указывают на протекание действия, его разворачивание в данный интервал времени: *и день и ночь, весь день напролет, годами, непрестанно, постоянно, по цели дни, цял ден, с часове, години наред* и под., фреквентативные наречия *иногда, часто, редко, понякога, от време на време: Я (*вечерами, *часто) не выношу запаха краски; Ребенок (*весь день) любит мороженое; (*Часто, *днес) не обичам варени яйца; (*От време на време) не търпя фалша.*

Такие обстоятельства могут появиться только у глаголов периферийной зоны, и тогда они маркируют динамическое прочтение данного предиката, ср. первое употребление глагола *писать* как локализованной во времени повторяющейся деятельности (с наречием *ночами*) и два последующих – со значением устойчивого признака (умения, способности): *Я писала ночами и наутро, пугаясь в застезках от недосыпа, собирала ребенка в школу. К концу института мы расстались с мужем. Вслед он кричал – моя новая жена стихов не только не пишет, она их даже не читает!... Писать я перестала* (И.Василькова).

Предикаты устойчивого признака могут сочетаться с обстоятельствами, имеющими неопределенную временную отнесенность

(раньше, когда-то, тогава, някога) или обозначающими сверхдолгие и неопределенно-долгие интервалы времени, на протяжении которых сохранялось указанное свойство (в детстве, в молодости, после выхода на пенсию, на младина, като ученик): **Со школьных лет** Верку отличало редкостное, патологическое занудство и гипертрофированное самомнение (Д.Емец); **Смолоду** он боялся женщин, считал их существами низкими и порочными (Л.Улицкая); **Той и на млади години** си беше такъв кощияв (А.Гуляшки); **От малък** Милен заекваше много зле и не се намериха доктор и цяр да го излекуват (Кр.Бачков); **От шестнадесет години** завеждам кабинета по уши, нос, гърло (М.Радев).

Обстоятельства типа **сейчас, в настоящее время, в момента**, понастоящему реализуются только в значении «расширенного» настоящего: **В настоящее время** она преподает английский язык вечерникам; **Сейчас** я уже не ношу джинсы; **Майката** по професия била шивачка и **сега** ръководеше една модна къща (Зл.Златанов); **В момента** той адвокатства, след като по своя воля напусна съдебната система миналия май. Ср. с актуальным употреблением: **Не мешай, я сейчас работаю; В момента пътувам за Пловдив.**

Предикации устойчивого признака могут характеризовать субъект с родовым или универсальным статусом: **Человек нуждается** в драматизме жизни, **стремится** к сильным переживаниям. Он хочет, чтобы вещи оставались прежними, привычными, и в то же время **жаждет** новизны (В.Токарева); **Всеки човек се нуждае** от чистота, от светлика, от доброта (М.Радев). Давно замечено, что предикаты устойчивого признака с обобщенным субъектом своеобразно реагируют на введение наречий кратности и узуальности. Вместо того чтобы указывать на повторяемость ситуации, наречия типа **часто, обычно, иногда** здесь играют роль «квантора, ограничивающего объем денотата субъектного термина» [Булыгина 1982: 37], что в результате снижает категоричность утверждения: **Жестокие люди иногда сентиментальны.** = **Некоторые жестокие люди сентиментальны; Толстушки часто жизнерадостны.** = **Многие толстушки жизнерадостны; Брюнетки обычно завидуют блондинкам.** = **Большинство брюнеток завидует блондинкам.** Ср. то же и в болгарском: **Кадърният човек, както е известно, често** надценява собствените си способности, **държи се горделиво, натрапва** знанията си на другите или, **по-просто казано, очи вади непрекъснато** (В.Цонев); **Невролозите и психиатрите обикновено** са начетени, **знаят добре специалността си, доколкото тяхната специалност може да се знае, имат по-широки интереси, четат стихове, обичат камерна музика** (М.Радев), т.е. «повечето от кадърните хора»/ «повечето от невролозите и психиатрите».

Таким образом, качественные предикации с обобщенным субъектом при присоединении показателей частотности не получают значения повторяемости ситуации (т.е. остаются неквантифицируемыми), в отличие от локализованных во времени предикаций, где добавление указанных наречий просто превращает ситуацию в повторяемую: *Жестоким людям редко снятся кошмары; Известно, что толстушки редко бывают не в духе; На работохоллиците рядко не им се работи; Разглезените жени често плачат.*

4. Семантико-грамматические особенности предикатов «свойств».

Перечисленные в предшествующем пункте характеристики являются общими для сопоставляемых языков, поскольку определяются только семантическими правилами соотнесения предиката с другими компонентами предложения. Межъязыковую специфику можно ожидать лишь в тех особенностях, которые отражаются в грамматических системах. В качестве таковых выступают все остальные дифференциальные признаки семантического типа предиката: отбор временных форм, морфологическая и деривационная сочетаемость, а также производные способы формирования класса.

4.1. Семантический класс предиката определяет особенности функционирования **видо-временных форм**. Основную роль в формировании предикаций устойчивого признака в обоих языках играет неактуальное настоящее: *Я не признаю ложных целей и искусственных трудностей. Я не умею преодолевать себя. Я, например, не люблю вареный лук и никогда его не ем* (В.Токарева); *...а вие харесвате мрачните хора. <Отгатнах това неотдавна>* (Г.Тенев); *Този Янакиев да не е един черноок, среден на ръст, така... примигва* (Ст.Стратиев).

Формы прошедшего времени при передаче устойчивых признаков, как известно, неоднозначны. Они указывают: (а) что характеризуемый объект не принадлежит к настоящему миру говорящего: *Моя бабушка очень любила цветы и обожала маленьких детей*, либо (б) что признак был действителен в продолжительном временном срезе: *Еще 5 лет назад мои дети были послушны/ любили мультфильмы/ ели творог; На младини бях много привлекателна/ бях оптимистка/ ядях много сладко/ се занимавах с хореография*, либо (в) отражают нарративный (повествовательный) речевой режим, где форма прошедшего времени – это, собственно, настоящее повествователя: *Марьяна **разбиралась в запоях**: ее мать пила, и Марьяна все детство слонялась по подругам и родственникам, привыкла ночевать где ни попадя* (В.Токарева); *Дурак, дурак, – вскричал я, а так как я **картавил**, то показалось мне, что в тишине*

ночи каркнула ворона (М.Булгаков); Позвъни се продължително и силно. Това можеше да бъде само Жаниният мъж. Той недочуваше, сигурно мислеше, че всички са глухи (А. Мандаджиев).

В болгарском языке прошедшее время предикаций устойчивых свойств в типичном случае выражается имперфектом: *Баба ми много обичаше цветята (владееше перфектно френски; обожаваше малките деца)*. Однако в ту же область вторгается перфект НСВ со своим многообразием и тонкими нюансами значений. Он заменит имперфект в случае несвидетельственности, но при наличии уверенности говорящего в истинности утверждения, поскольку «перфектная форма е винаги твърдение на говорещия» [Гугуланова 2001: 198]: *Прабаба ми е владеела перфектно френски/ обичала е цветята/ предпочитала е самотата¹.*

Другая особенность перфекта – неопределенная временная локализованность и связь с настоящим – используется в предикациях с акцентированным *винаги* (и разг. *цял живот*), указывающим на устойчивость, длительность существующего свойства: *Уискито е вредно питие... Аз винаги съм предпочитал ром (А.Гуляшки) вместо Аз предпочитам ром, также: Заповядай!... Винаги си обичал бонбони (Д.Стоилов) вместо Нали обичаш бонбони, ср. и такое же значение русского прошедшего времени: Вся жизнь я исповедовал полноту презрения к людям, и люди меня не подвели (Ф.Искандер).*

Особое употребление в рамках данного перфектного значения создает ситуация возражения обратному утверждению, где акцентированное обстоятельство указывает на истинность утверждения для любого момента времени в сознании субъекта речи ('сколько себя помню'): *Не си прав, той винаги е говорил английски перфектно, ср. и рус. Не правда, у меня волосы всегда вились!*

4.2. Как известно, предикаты устойчивого признака не склонны к образованию **приставочных ингрессивов**. В русском языке «константное» (В.С.Храковский) начинательное значение выражается фазисными глаголами и лишь единичными приставочными образованиями: *Сын заговорил в 2 года; После переезда в Америку он вскоре уже заговорил на языке².*

В южнославянских языках такая деривация гораздо более активна. В сербском, болгарском и македонском языках приставка *про-* со значением возникновения способностей присоединяется не только к предикатам естественных умений (ходить, говорить), но и некоторых пристрастий (пить, курить): серб. *Дете је проходило; Дечак је пропушио у дванаестој години*, макед. *Тој се пропи; Тој пропуши*. Особенно продуктивным предстает этот процесс в болгарском языке, где ингрессивы образуются

от наибольшего числа глаголов: *пуша, пия, пея, пиша, говоря, гледам, ходя, свиря*, напр. *Глухонямо проговори на мюсюлманската кръстова гора; Котетата прогледнаха; Болната проходи след присаждане на стволони клетки; Принц Хари пропуши отново след поредната загуба на Челси; Изготвен е уникален учебник за начинаещи китаристи, с чиято помощ всеки може да просвири*. При этом свободно образуются и широко функционируют вторичные имперфективы: *Децата сега проговарят английски много по-рано от нас, родителите; Ужасното е, че от 13-14 годишна възраст децата пропиват и пропушват*.

Более того, активность этих дериватов в современном языке повышается за счет варьирования объектного и субъектного актантов.

(1). Присоединение объектного актанта – основной путь развития дериватов от предикатов склонностей, пристрастий. Так, на фоне абсолютных *пропия* («начать злоупотреблять алкоголем»), *пропуша* («начать курить») имеется широкий круг вариантов с восстановлением валентности одновременно с варьированием пациенса (объекта пристрастия, т.е. вида употребляемого продукта): *Децата днес пропиват кафе още в детската градина; Пропих бира още като ученик; Народът пропуши качак; При толкова скъпи цигари човек направо пури да пропуши; Моето бебе пропи вода едва сега в жегите, преди изобщо не пиеше*.

(2). Замена субъекта с типичного на нетипичный характерно для про-образований от предикатов умений. Происходит либо: (2а) замена ожидаемо профессионального носителя умения на непрофессионального: *Сега и манекенките пропяха; Вече и Роналдиньо проговори на български* [об озвучивании рекламы]; *Сега куцо и сакато прописа романи*, либо (2б) естественный для данной способности таксономический класс субъекта заменяется на неестественный: *Куклата Барби пропя; Пералните проговориха!*; *Хубава работа, и колонките проговориха* (Ст. Стратиев); *Немско яке пропя* (заголовок статьи о разработанной в Германии куртке со встроенным MP3-плеером). Общая семантическая основа игр с субъектным актантом – это несоответствие между умением и его носителем: либо это нетипичный таксономический класс носителя (когда поют или говорят куклы, собаки, стиральные машины и т.д.), либо профессиональное несоответствие.

Впрочем, контраст не обязательно окажется столь резким. Так, при предикатах умений добавление актанта содержания (в сущности, комбинирование вариаций групп (1) и (2)) свидетельствует о расширении сферы последнего, например о новизне профессионального репертуара: *Росица Кирилова пропя рок*.

На русский язык значение *про-дериватов* группы (1) передается фазисными глаголами (*Пропих кафе още като ученичка. – Я начала пить кофе еще в школе*), но варьирование субъекта (2) имеет и иные способы перевода. Во-первых, может подчеркиваться не столько начинательность, сколько устойчивость обретенного умения через расширенное настоящее (*Сега куцо и сакато прописа романи. – Сейчас романы пишут все кому не лень*), в том числе с включением глагола умения (*Пералните проговориха! – Стиральные машины теперь умеют разговаривать!*). Во-вторых, может быть сделан акцент и на расширении спектра самих умений ('данный субъект теперь умеет делать еще и это'): *Куклата Барби пропя. – Кукла Барби теперь еще и поет*. Как и в болгарском, русская усилительная частица *и* может также указывать на расширение охвата субъектного денотата: *Вече и Роналдиньо проговори на български. – Уже и Роналдиньо заговорил/говорит/умеет говорить по-болгарски*.

4.3. Отдельное направление анализа, которое предполагается при изучении семантического типа предиката, – это **производные способы формирования семантического класса**. В формировании устойчивых признаков в русском и болгарском языках основную роль играют «постоянно-непрерывное» и «потенциально-качественное» [Бондарко 2005: 245] значения НСВ³, «качественные» значения диатезных и залоговых трансформаций и др.

Так, образование предикатов «способностей и пристрастий» идет преимущественно через утрату объектных распространителей, ср. рус. *Х курит, (хорошо) переводит, поет, рисует*; болг. *Х пуши, (добре) превежда, пее, рисува*. Если же предикации устойчивого признака формируются с сохранением объектных распространителей, общезначимым является фактор замены конкретного объекта (при эпизодическом признаке) на неконкретный (при устойчивом): *Не ест суп. – Не ест супы; Боится этой женщины. – Боится женщин; Рисует в альбоме. – Он замечательно рисует в альбомы*. Это соответственным образом отражается в артиклевом болгарском языке. Определенный артикль либо утрачивается: *Пасе овцете. – Пасе овце*, ср. также: *Ти не си като другите – твоята баща виси в асансьор... – Че каква длъжност е това? Какъв пост?* (Ст.Стратиев), либо (чаще) изменяет свое значение от показателя индивидуализации: *Тя не забелязваше мъжете* к генерализации: *Мъжете изобщо не ги забелязваше*.

Межъязыковые различия проявляются более всего при описании свойств неличных субъектов, где языки демонстрируют разную предпочтительность выбора диатезного варианта, разные способы деагентивации, пассивизации. Приведем здесь лишь единичные наблюдения в

сфере производных предикатов устойчивого признака.

В русском языке гораздо более активно, чем в болгарском, работает диатезное преобразование типа *Вода течет в лодку. – Лодка течет (Шина спускает; Бочка протекает)* с передвижением участника «место» в субъектную позицию и инкорпорированием участника «средство» (*вода, воздух*). В болгарском языке данное значение оформляется конструкциями, сохраняющими состав участников: *Лодката пропуска вода; Гумата пропуска въздух*, или страдательно-причастными предикатами, напр. *Лодката е пробита; Гумата е спукана*.

Свойства, проявляющиеся при механическом воздействии, в русском языке выражаются потенциально-характеризующим употреблением глаголов лексико-семантической группы преобразований: *Стол раскладывается; Велосипед складывается*, в то время как в болгарском предпочтителен причастный пассив: *Велосипедът е сгъваем; Леглото е сгъваемо*.

Скрытые воздействующие свойства объектов живой природы в обоих языках выражаются устранением объекта воздействия. Однако в болгарском данное потенциально-качественное значение получает абсолютив: *Кравата бодее; Кучето хапе; Копривата пари*, а в русском – рефлексив: *Корова бодается; Собака кусается; Крапива жжется*.

Итак, в данной статье мы постарались продемонстрировать перспективность сопоставительного изучения родственных языков в аспекте типологии предикатов. Как показывает материал, даже класс «устойчивых признаков», ожидаемо близкий в русском и болгарском языках, предлагает значимый набор грамматических и деривационных расхождений. Еще более эффективным представляется изучение актуальных предикаций, как статических (класс «состояний»), так и динамических («процессов» и «событий»).

Отдельное и еще более емкое направление анализа, которое предусматривает семантическая классификация предикатов, – это производные способы формирования семантического класса. Они не изучены даже для отдельного языка, не говоря уже о сопоставительном аспекте. В этой статье предложены некоторые наблюдения в данной области, однако основная работа еще впереди.

Перспективным кажется сопоставление славянских языков и по такому важному классификационному параметру, как «контролируемость/неконтролируемость действия». В этой статье мы сознательно не затрагивали его типологические возможности, хотя исследования показывают, что применение данного параметра может дать интересные результаты [Иванова 2009: 267-312]. Представляется, что дальнейшее накопле-

ние наблюдений над семантическими типами предикатов в родственных языках выявит и другие полезные типологические характеристики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь не рассматриваем возможности других категориальных значений в болгарском языке, которые тоже, конечно, реализуются, напр. пересказывательные формы: *Бабата на Марко не признавала сапуна и миела косите си с дъждовна вода и една пръст, която се наричала хума* (Зл.Златанов).

2. В принципе, потенциальная способность к образованию подобных ингрессивов в русском языке подтверждается окказиональными употреблениями, но все же надо признать, что примеры типа *Выйдя за-муж, она заварила борщи*, разбираемые в лингвистической литературе, находятся вне нормы.

3. Вне нашего внимания остается лексическое выражение потенциально-характеризующего значения: *Он умеет стоять на голове; Он может проплыть 5 км без остановки; Мама беше много яка жена, можеше да повдигне сама цял кон* (П.Вежинов), ср. показательное «разъяснение» потенциального значения в речи комментатора футбольного матча: *Лусио все-таки ошибается. Я не говорю, что он сейчас ошибся, но он способен ошибиться*. Подробнее об этих и других разноуровневых способах выражения свойств см., напр., в [Савова 2001; Иванова 2009: 220-222].

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко 2005 – *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. СПб., 2005.

Булыгина 1982 – *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Гугуланова 2001 – *Гугуланова И.* Лексикални средства за изразяване на семантичната категория темпоралност в българския език // Традиция и съвременност в българския език. С., 2001.

Иванова 2009 – *Иванова Е.Ю.* Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. / Под науч. ред. проф. Ст.Димитровой. С., 2009.

Маслов 1948 – *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1948, т. 7, № 4.

Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Савова 2001 – *Савова И.* Глаголни конструкции с характеризираща функция в българския език // Изследвания по български език. Велико Търново, 2001.

Селиверстова 1982 – *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Dic 1978 – *Dic S.C.* Functional Grammar. Amsterdam, 1978.

Ljung 1975 – *Ljung M.* State control // *Lingua*, 1975, v. 37, 2/3.

Miller 1970 – *Miller J.E.* Stative verbs in Russian // *Foundations of language*, 1970, vol. 6.

Vendler 1957 – *Vendler Z.* Verbs and times // *The philosophical review*, 1957, v. 66.